

Погружение в лабораторию чьей-то мысли дисциплинирует твою собственную

(Щедровицкий П.Г. Погружение в лабораторию чьей-то мысли дисциплинирует твою собственную // Пражский телеграф. газ. 2013. №22)

На традиционную майскую международную книжную ярмарку в Прагу приехал известный методолог и общественный деятель Пётр Щедровицкий. Он представил новую книжную серию «Философия России первой половины XX века» и рассказал корреспонденту «Пражского телеграфа» Наталье Волковой о своих взглядах на философские вопросы и весёлой юности с отцом — знаменитым философом (Георгий Петрович Щедровицкий — основатель «Московского методологического кружка»).

Пётр Георгиевич, Вы представляете новую книжную серию «Философия России первой половины XX века». Однако она явилась продолжением предыдущего совместного проекта Института философии РАН, Фонда им. Щедровицкого и издательства «РОССПЭН» — «Философия России второй половины XX века». Почему именно такой порядок – обратный с точки зрения хронологии?

Задача этого проекта в целом связана с сегодняшним днём. Мы хотели бы восстановить пространство философского самоопределения для тех, кто сегодня размышляет на эти темы и ищет ответы на философские вопросы.

— То есть в 20-м веке Вы ищете истоки философии 21-го века?

Да, было бы очень хорошо начать с философии первой половины 21-го века, но начать с неё невозможно, поскольку её ещё нет. Те люди, которые через 20–30 лет будут занесены в список продвинутых философов сегодняшнего дня, нам ещё не известны. Время меняет

оценки, и мы хорошо знаем, что те философские величины, которые нам сегодня известны, были не очень признаны современниками. Только спустя поколения стал понятен масштаб личностей и идей, а те, кто в свой период был известен и моден, исчезли, и мы не помним, как их зовут.

— Но почему всё-таки Вы начали с конца? Чем обусловлен выбор тех философов, которые вошли в 21 том первой серии?

Поначалу я ставил себе очень конкретную и прагматичную задачу — восстановить контекст работ моего отца. Многие из этих людей — его друзья или, наоборот, оппоненты. Для человека, который сегодня хочет понять лабораторию мысли Г. П. Щедровицкого, недостаточно только его текстов. Он должен посмотреть повестку дня всего, что обсуждалось в тот период. И только когда мы выпустили этот 21 том, тогда возник вопрос о преемственности.

— Насколько в условиях сложных исторических коллизий XX века можно говорить о непосредственной преемственности?

Конечно, был гигантский разрыв, вызванный периодом революции, гражданской войны, философского парохода, гонениями на интеллектуалов, которые постоянно происходили в СССР, но были какие-то незримые связи, и через процесс преподавания, и по каким-то текстам, которые хранились в частных библиотеках. Разумеется, в государственной библиотеке было почти невозможно познакомиться с работами многих философов начала прошлого века — они были в спецхране.

А где-то присутствует и мистика, когда люди, находясь в один и тот же период времени в разных странах, не читая работ друг друга, вдруг приходят к каким-то общим идеям. Дух времени «проговаривается»

сквозь субъективные особенности тех или иных конкретных мыслителей. А начало XX века было уникальным периодом. Чем больше мы сейчас издаём томов, тем больше мы убеждаемся, насколько плотной была интеллектуальная среда в России в тот момент.

— Не было бы логичнее начать с издания работ самих философов?

Нет. В наше время их работы, и правда, изданы очень хаотично. Но их издание требует совершенно другого времени. Вот, например, в Германии постепенно издают и печатают Гуссерля. Уже больше ста томов. Сидит специальная квалифицированная группа, которая только этим занимается, разбирает архивы, публикует с комментариями письма, записные книжки, отрывки.

Это требует значительных ресурсов. И эти люди должны откуда-то появиться. Сегодняшний студент философского факультета хочет уже на третьем курсе заработать побольше денег, заняться пиаром, а сидеть с архивами — это тяжёлый труд, мало кому интересный.

— Но Вы ведь с ним хорошо знакомы? Вы писали диссертацию о Выготском.

Да, и дипломная работа тоже была посвящена Выготскому. Я много сидел в архиве, разбирал рукописи, читал разные редакции работ, и это очень много мне дало. Потому что погружение в лабораторию чьей-то мысли дисциплинирует твою собственную. Ты видишь, как идёт работа, и учишься.

— Откуда же взять таких людей сегодня?

Есть мечта, что в процессе работы над нашим проектом появится хотя бы 10–15 молодых ребят, которые сегодня помогают работе редакторов наших томов, и что со временем они станут историками философии. Но этих ребят нелегко найти и очень трудно удержать.

— Тяжело рассчитывать на что бы то ни было без достаточного финансирования образования и науки. Этому историку философии тоже надо как-то семью кормить...

Я с вами согласен. Но это ведь феномен богатого общества. Если общество бедно и не уверено в своём завтрашнем дне, люди не будут тратить деньги, даже если у них случайно появились лишние. Это всегда потери, потому что, если предприниматель не уверен в своём завтрашнем дне в России, он начнёт покупать недвижимость за границей, причём не для того, чтобы этим заниматься, а на всякий случай. Поэтому денег на поддержку культуры и науки не хватает.

А у государства их всегда не хватает. В конце концов, что такое государство? Это мы с вами: наши деньги, которые перераспределяются по определённым правилам, которые мы же и устанавливаем. Всякие попытки мифологизировать государство в духе Левиафана Гоббса не имеют под собой основания. Поэтому, когда кто-то критикует органы управления, я говорю: “Это же вы сами, посмотрите в зеркало – вот так вы и выглядите”. Если любого из вас пересадить туда, будет то же самое. А людям нужна уверенность, устойчивость, понимание, что их работа востребована, что можно ей гордиться.

— Ваш отец, Георгий Петрович Щедровицкий, крупный общественный и культурный деятель, философ и методолог. Каково было вырастать с таким отцом?

Это было весело. Я начал активно заниматься философией где-то в 17 лет, а с 19-ти я уже только ей и занимался. Я попал в очень интересный период, когда завершался семинарский этап развития московского методологического кружка и начинался игровой. Георгий Петрович придумал метод оргдеятельностных игр, очень этим гордился и проводил много таких мероприятий.

За восьмидесятые годы мне удалось сразу погрузиться в десятки разных областей через игру, посвящённую какой-то тематике: от развития города до вывода из эксплуатации атомного реактора. Это очень интенсивная коммуникация, которая даёт возможность «сэкономить» несколько лет жизни, потому что ты в течение десяти дней работаешь с ключевыми экспертами в этой области по реальной проблеме. Массив знаний, представлений и связей, которые ты получаешь в результате, в обычной жизни наработывается годами.

— По какому же пути Вы пошли дальше?

А дальше я пошёл вместе с изменениями, происходившими в стране. В конце 80-х – начале 90-х я занялся консультационными практиками — экономическая реформа, создание новых предприятий, реформирование старых. Потом в 1994–95-х я занимался политическими кампаниями, в начале 2000-х — проблематикой государственного управления.

В 2004 году я входил в группу советников премьер-министра. А потом ушёл в атомную область, где мне пришлось заниматься стратегическими вопросами и научно-технической политикой. Два года назад этот проект был завершён, и я вернулся к самому себе: к философии и к обобщениям. Сейчас более активно начинаю заниматься образовательными вопросами.

—Получается, Вы приблизительно каждые пять лет серьёзным образом меняли сферу своей деятельности?

Если быть точным — семь лет. Это нормально. Два года всегда тратится на то, чтобы разобраться в теме. Потом три-четыре года занимает проект, каким бы он ни был. И года два на то, чтобы передать проекты, подготовить команды для их реализации.

— А сейчас, Вы сказали, Вас интересует проблема образования.

Эта тема уже сейчас актуальна и проблемна, а на рубеже 2017–18 года, думаю, она станет основной. Вокруг нас происходят такие масштабные изменения темпов и образа жизни, экономические и технологические, что всё это конвертируется в вызов человеку и процесс его формирования. Сейчас развиваются разного рода технологии, и совсем другие дети растут. Я сам видел, как грудной ребёнок зовёт маму, расширяя её фотографию на айпаде.

Ему кажется, что раз она увеличивается — значит, мама подходит. И скоро вырастет это поколение детей, а мы плохо понимаем последствия этого для образования, способностей, расположенности к коллективной деятельности. Поэтому будут хаотично возникать разные эксперименты в области образования, удачные и не очень, и надо будет заниматься точным мониторингом, где возникают удачные находки и можно ли их переносить и вводить в широкий оборот.

<https://shchedrovitskiy.com/pogruzhenie-v-laboratoriyu-mysli/>